

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ПОД ВЕСЕННИМ СНЕГОМ

РАССКАЗ

Вечером позвонил Славик: опять у него всё горело и надо было спасать. Из сумбурного потока слов Илья уяснил, что завтра надо встречать в аэропорту важного москвича, а у Славика машина в очередном ремонте.

Вставать пришлось затемно: за окном едва просматривались, словно размытые, огни ночного города. “Туман, что ли”, — подумал Илья, но когда выехал из паркинга на улицу, то ошалело остановился и вышел из машины: огромными хлопьями валил снег, покрывая всё вокруг густой пеной. Илья поднял вверх лицо и приятно зажмурился, словно его легко касались нежные пальцы.

Славик появился, как только машина подкатила к подъезду. В элегантном полупальто, в начищенных ботиночках, которые, казалось, окутывала воздушная оболочка, и снег не прикасался к ним. “Отец-то так не пижонил, — подумал Илья, но тут же одёрнул себя: — А так-то похож: те же тёмные кудряшки, тот же порыв и стремительность... — и снова непроизвольно заворчал: — Только тот готов был за друзей башку снести, а эти... Может, просто таких друзей не стало...”

— И что, больше встретить некому? — спросил Илья, когда Славик, потирая руки, сел в машину.

— Да ну, дядь Илья, — словно вопрос был настолько наивен и глуп, что и не стоил внимания, отмахнулся Славик, потом всё же решил, что как-то надо выразить благодарность: — С вами спокойнее. Да и “немец” у вас представительный...

ГРОМОВ Александр Витальевич родился в 1967 г. в г. Подольске Московской обл. Служил в Афганистане, награжден медалью “За боевые заслуги”. Окончил Литературный институт. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Самаре.

— Жена выбирала, — сказал Илья и непроизвольно коснулся пассажирского сидения, и было件ятно, что дорога ему не сама “ауди”, а то, что выбирала машину жена и, в общем-то, место, на которое сейчас уселся Славик, это её место. Да и всё в этой машине её. Илья положил руку на руль, и тоже трепетно, Славик заметил это, но понял по-своему:

— Только, дядя Илья, прошу: не гони. Я тебя знаю, а тут ещё снег этот...

— Зима прощается...

— Не вовремя она прощание затеяла, тут как бы рейс не отменили, а то ещё посадят самолёт где-нибудь на куличках.

Когда выезжали из города, Славик как будто случайно вспомнил, что гость китаец, и его надо будет из аэропорта не в город везти, а на Валерьяновский завод.

— Это, дядь Илья, для меня очень важная сделка. Я этого китайца с осени веду, как только узнал, что он у нас в области землю в аренду берёт и будет какой-то колхоз китайский строить. Вот тут я ему наши блоки и предложил. Поэтому не хочу, чтобы какие-то переговоры проходили без меня. Ну и вроде всё складывается... Ты, всё же, поосторожнее ехал бы...

Илья не отвечал. Трасса была почти пуста, и снег уже не валил так густо, собственно, снега Илья сейчас и не замечал, окружающее вообще перестало существовать, он летел и чувствовал, как и машина радуется, чувствуя, что может выпустить все свои лошадиные силы на волю. Три минуты, но какой кайф! А там уже кольцо, пост ГАИ, посёлок, за посёлком горка, а там — одна дорога в аэропорт, а другая на завод.

— Фух, — Илья выдохнул. — Словно в космосе побывал.

— А тебе штрафы не присылают? — спросил снова устраивающийся в кресле Славик.

— Пришлют, наверно. Да ладно, я уж давно не гонял. Так что там с заводом-то, а то я совсем от дел отстал?

— Завод теперь входит в строительную корпорацию, а её возглавляет сынок Валерьяныча. Ты его, может, помнишь: он на пару лет меня младше, такой тихий мальчик был, никуда не лез, отучился, умотал вроде как на практику в Штаты, а теперь — директор. А что: папаян из думы заказами обеспечивает, Серёга, его одноклассник по вузу, за бумажками следит, Петя — за производством, отлично устроился! Для этого и в Штаты ездить не надо, — в голосе Славика зазвенела обида. — А тут вертишься как сперматозоид, не знаешь, куда ткнуться...

Выехали за посёлок. Снег почти перестал, стало светлее. На горе стал виден большой крест. Илья оторвал руку от руля и перекрестился. Славик покачал головой.

— Да, дядь Илья, здорово ты подсел.

Илья подумал: “Вот хотел поговорить, новости узнать, что в мире творится, а говорить-то и не о чем”.

— Серёге надо напомнить, чтобы приготовили всё для встречи, — Славик достал телефон и стал набирать номер. — Что за ерунда...

— Здесь не берёт, — сказал Илья. — Подожди, сейчас на горку поднимемся.

— Крест, что ли, блокирует?

— Не, гора. Тут ещё лыжная база есть. Занятно: наверху ловит, а спускаешься — нет. Можем захватить на обратном пути.

— Растает, — ответил Славик. — Сейчас солнце поднимется, и всё растает.

Действительно, поднималось яркое весеннее солнце. Ослепительный круг сравнялся с горкой, и крест на почти белом фоне стал чёрным, а потом начал словно растворяться в свете.

— Никакого кина не надо, — восхищённо протянул Славик.

— А Петя, стало быть, ещё работает?

— А куда без него? Он там, по-моему, только один и понимает, как это всё крутится. С утра пройдёт по цехам, а после обеда откупоривает бутыл-

ку портвейна и в три подхода приканчивает. Как раз до конца рабочего дня три стакана и получается. Тоже не хило устроился.

— Ты ж сам говоришь, что без него там никто не разберётся.

— Ну да, ну да... О, связь появилась, — встрепенулся Славик и активно занялся телефоном. Потом сообщил: — Всё по плану. Везём китайца на завод, к двенадцати подъезжает Ярослав Валентинович, валерьяновский сынок, подписываем, обедаем, а в два часа за гостем приедут из района и повезут на место будущего китайского колхоза, и вечером он улетает.

— Напоят они его там.

— Не, он не пьёт. У него потому и бизнес успешный.

— Наши напоят. Вот увидишь: сорвётся ваша китайская деревня.

— Ну, она не моя, а потом: пусть работают, жалко, что ли?

— Не успеете оглянуться, как уже и не наша земля будет.

— Земли жалко, что ли? Сами ничего не делаем и другим не даём, а она пустует и зарастает.

— Может, она не пустует, а отдыхает. А потом чухнемся, а тут уже китайцы кругом расплодился. По мне жили бы и жили себе...

— Ну да, на печке... Взял бы, дядь Илья, и вложил, построил бы какую-нибудь агроферму или, если хочешь, колхоз.

— Я не умею. На земле жить надо, а я городской.

— Ну да, только кулаками махать...

Славик осёкся, перехватив тяжёлый взгляд Ильи, и до аэропорта ехали молча.

В аэропорту Славик сразу убежал в терминал прилёта, а Илья, прикинув, что двадцать минут у него есть, развернулся и отъехал в лес, окружавший аэропорт. Съехав с трассы, свернул в прогал между расступившимися деревьями и встал: к лесу передом, к трассе задом. Открыл дверцу и опустил ноги на землю, устланную белым скрипучим снегом.

Илья вдруг остро ощутил пограничную черту, у которой оказался. За спиной чуть выше осталась трасса, оттуда доносился шум, но далёкий, словно провалившийся во времени, а перед ним лес, хранящий безмолвие. Но вот что удивительно: в этом безмолвии угадывалась жизнь, а в шорохе за спиной — гибель. “И вот человек всегда между двумя этими безднами. Только не всегда ощущает это”.

Илья вышел из машины и, шагнув в сторону леса, оказался перед деревом, он даже не знал, как называется это дерево, из всех деревьев мог отличить разве что берёзу да дуб. “Осина какая-нибудь”, — пронеслось в голове и он прислонился к стволу. “С берёзой было бы символичней, хоть кино снимай”, — снова донеслось из-за спины, словно кто-то попытался отвлечь его и заставить отдёргнуть руку, но неожиданно Илья явственно через серую холодную кору почувствовал ток, движение сокрытого, невидимого обычному зрению, и этот ток передался ему, словно, прилепив руку к дереву, вовлёк в общее течение. Илья глубоко задышал, как человек, жаждавший воздуха и, наконец, глотнувший его. Но через пару минут дыхание успокоилось, он оторвал от дерева руку. “Что это было?” — спросил сам себя, разглядывая мокрую ладонь. “Жизнь”, — послышалось из глубины. Та самая жизнь, которая не прекращается и не прекращалась ни на минуту. “Что бы ни происходило на трассе”, — добавил Илья и пошёл к машине. “Как все просто, — подумал он, садясь за руль. — Сейчас я выйду на трассу, а жизнь так же будет жить. Хорошо”.

В аэропорту его ждал сюрприз. Илья зажмурился, подумал, что этого не может быть, и открыл глаза: рядом с китайцем шла эффектная женщина, в которой изумительно переливались одно в другое азиатское и европейское. Грация и твёрдость, тайна и ведение, смуглая кожа и голубые глаза — всё это Илья знал и любил. Сладостно потянулось тело, словно у котика, пригретого солнцем. “Неужели за этим поехал? — и тут же сладостный миг заслонился строгим голосом: — Наваждение... Это наваждение... И когда Илья с этим согласился, стало даже забавно. Например, как блеснули голубые глаза, увидев его машину. “Точь-в-точь, надо же... Но это не она”. — Илья тряхнул головой и переключился на китайца.

А китаец был как китаец — не высокий, не толстый, с глазами-щёлочками и множеством разбегающихся от них морщинок по озабоченному лицу.

— Господин Ван Зен, — представил Славик. — А это его переводчик и помощник в одном лице. — И когда Илья коснулся протянутой руки, то сладостное чувство снова попыталось пробиться, так нежна и знакома показалась эта ладошка.

По дороге китаец распахнул глаза и стал похож на маленького ребёнка, который пытается быть взрослым, но никак не может скрыть восторга: лес сверкал под поднявшимся солнцем свежим снегом.

— Дядь Илья, едь тише, — шепнул Славик, — пусть побалдеет.

Илья ухмыльнулся и вообще выключил движок, и все почувствовали необычайное движение, словно у тебя убрали надёжную опору, наступает тишина, и ты просто летишь в пространстве, а вокруг сверкающий лес и ослепительное солнце — сказка.

В зеркальце Илья видел лицо женщины, и ему было приятно наблюдать, как она непроизвольно приоткрыла рот и замерла, словно ожидая поцелуя.

На горушке показался крест, и тут китаец не выдержал, ткнул в окно и залепетал на своём мяукающем языке.

— Это крест, — гордо представил Славик, будто и крест принадлежал ему, но потом замялся и обратился к Илье: — Скажи, ты у нас теперь за православного.

Илья светился, словно блеск креста отражался на его лице, он, как бы предваряя речь, качнул рукой в сторону горы, но тут же, будто испугался сболтнуть лишнего, опустил руку на руль и произнёс обыденно:

— Просто поклонный крест. Как напоминание.

— Его у нас недавно поставили, — нашёл что сказать Славик. — Место хорошее, пусть стоит. Его отовсюду видно, — и добавил: — Даже с завода.

Илья несколько удивлённо посмотрел на него.

— В ясную погоду, — уточнил Славик.

А погода было самая что ни на есть ясная.

Машина сделала поворот к заводу, крест остался за спиной, а китаец продолжал неотрывно смотреть в окно. Наконец оторвался и поднял большой палец.

— Осень хороша.

— Красота спасёт мир, — неожиданно для себя брякнул Илья.

Теперь удивлённо посмотрел на него Славик. И голубые глаза в зеркальце.

— Это не я, это Достоевский, — извинился Илья.

— Красота, — без всякого акцента произнёс китаец.

— Подъезжаем, — вернул всех на грешную землю Славик.

А женщина так и не произнесла ни слова.

У двухэтажного здания заводоуправления их встречала целая делегация во главе с круглым, похожим на снеговика, молодым человеком. Улыбка у него была нарисована на весь верхний лысый кругляш. А вместо морковки — пуговка.

Илья заметил, как при появлении его “ауди” улыбка снеговика несколько дрогнула и даже как, чуть отклеившись, съехала. Молодой человек невольно поправил очки, словно убеждаясь, не ошибся ли он. Но он не ошибся, и улыбка заняла прежнее место, вроде бы даже стала чуточку шире. “Наверное, это Серёга и есть”, — решил Илья и мягко развернулся перед встречающими.

Славик тут же выскочил и распахнул дверцу, помогая выбраться китайцу, а Илья открыл другую и протянул руку женщине. Рука её была мягка и трепетна, как первые весенние листья. Она так и появилась из машины, словно нечто только рождающееся на свет. Илья подвёл её к китайцу, который несколько растерялся от вихрем налетевших речей снеговика. Славик тоже что-то тараторил, усугубляя обстановку. Снеговик сделал шаг в сторону Илья и поклонился к нему.

— Здравствуйте, Илья Алексеевич, никак не ожидал вас увидеть, да ещё с супругой...

— Это переводчица, — сказал Илья и отпустил руку.

Снеговик, изображая ужас от допущенной нелепости, прикрыл ладошкой рот и закатил глаза.

— Простите-простите, давно не видел и... и как-то показалось, — улыбка заметалась на его лице. — Но мы всегда рады, — и снова смутился, что произнёс не то...

— Да ладно, Серёга, не парься. Я сейчас обратно.

— Да нет, как же, — засуетился Серёга. — Мы сейчас немного с гостями перекусим, потом проведём экскурсию по цехам. Друзья! — обратился он громко ко всем, но глядя исключительно на китайца. — Пойдёмте покажем нашему дорогому гостю наш замечательный завод, — и стал подталкивать собравшихся к заводууправлению. Когда толпа двинулась в нужном направлении, он обернулся: — Что ж вы, Илья Алексеевич, пойдёте.

Илья уже поднял руку, чтобы попрощаться: мол, я своё дело сделал и мне пора, но в это время переводчица обернулась, и жест у Ильи получился неопределённый, скорее даже вопрошающий. Снеговик тоже задумался, что бы этот жест значил, потом на всякий случай крикнул:

— Если что, мы в директорской, — и поспешил догонять уже входящую в заводууправление группу, впереди которой гордо шествовал Славик, словно и завод был его.

Илья подумал-подумал, сел в машину, отогнал её на стоянку управленцев и пошёл следом.

Поприветствовав охрану, поднялся на второй этаж и повернул в приёмную, в которой никого не оказалось, видимо, все силы были брошены на встречу гостей, тогда Илья открыл директорский кабинет и, увидев человека за широким захламлённым столом, обрадовался:

— О! А ты как здесь?! Повысили, что ли?

Человек поднялся из-за стола и шагнул навстречу.

— Выгнали.

Они пожали руки. И было в их пожатии нечто большее, чем приветствие, словно два мира встретились и подтвердили если не дружбу, то единство противоположностей.

Человек, пожавший Илье руку, был и впрямь из другого теста — сухой, всё время, казалось, слегка подрагивающий, то ли от внутреннего напряжения, то ли окружающей действительности, с изнурённым лицом, словно его долго сушили в печи, потом валяли в пыли, потом снова сушили, снова валяли, пока не добились строгости и жёсткости каждой черты, каждого бугорка, каждой бороздки.

— Молодец! — оценил то ли рукопожатие, то ли взгляд Илья и отпустил руку. — Ну расскажи, Пётр Василич, как так тебя угораздило, а то я не в теме.

— Да ну их. — Пётр Василич дёрнул рукой, потом резко выдернул стул из-под длинного стола. — Садись. Тут особо-то и рассказывать нечего. К нам же, года как полтора уже, Валерьяныч своего сынка назначил. Сынок, конечно, малахольный маленько, его у нас все за чудика держат, или говорят, что Америка ему мозги вывернула — он же там какие-то курсы проходил, а потом — к нам. Но я тебе скажу: он совсем не прост. То есть сам завод ему по большому счёту по барабану. Он им не болеет и относится как, ну как... как к партийному собранию. Но что-то внутри у него всё-таки есть. Я это чувствую, но объяснить не могу. Они, молодые, сейчас другие. Я по своим сужу. У меня ж старший почти ровесник нашему директору и, ты понимаешь, ему тоже всё по барабану. Закончил институт, я его в городе пристроил, а он не то чтобы работать не хочет, а ему наплевать, что в итоге получится. Сказали — сделал, а что там дальше — не моя забота. И ведь он там хорошим работником считается, я узнавал. А что же тогда остальные? Я с ним пытался поговорить, а он: да ладно, не парься. И вроде нормальный парень... Я помню, жил работой, один этот завод в башке и сидел. Мне эта крошка в кожу въелась, — и он вытянул длинные пальцы, которые

и правда были словно присыпаны крошкой из песчаного карьера. — А у них — нет, у них что-то другое...

— Так ведь они и должны быть другими, — отозвался Илья.

— Да я не об этом, — устало отмахнулся Пётр Васильевич. — Тут думаешь-думаешь, переживаешь, в конце концов, а зачем? Дочка такая же подрастает...

— Так за что выгнали-то? — напомнил Илья.

— Да! — спохватился Пётр Васильевич. — Новый наш начальник Ярослав Валерианович, когда знакомился с заводом, заглянул и в мой скромный кабинет, да так и застыл в дверях. Все сопровождающие лица и я, за столом сидящий, тоже замерли, потому что никто ничего понять не может. Я про себя думаю: это, наверно, мой бардак его в такой ступор ввёл, а он отмер, глазами поморгал и говорит: “Здравствуйте”, — а сам мимо смотрит. “Здравствуйте”, — отвечаю. И тут он обращает на меня внимание: “Вы Пётр Васильевич?” — и улыбается, но не по-американски, а по-нашенски, искренне. Я киваю и всё думаю, что там ему засветило? А он вдруг выдаёт, причём всё так вежливо: “Пётр Васильевич, а не могли бы вы мне уступить ваш кабинет?” Тут вообще немая сцена, потому что мы ещё не знали, насколько он чудик. Он наши открытые рты замечает и поясняет сразу всем: “Мне иногда очень нужно поработать одному, а ваш кабинет как раз такой — небольшой и... живописный”, — а сам то на меня, то на окно поглядывает. И тут до меня дошло. “Конечно, — отвечаю, — мне непринципиально, где бардак разводить, куда скажете, туда и переберусь”. — “А вы, — говорит, — занимайте кабинет в приёмной, — заметь: не сказал “мой кабинет”, а “кабинет в приёмной”. — Там как раз для ваших бумаг места хватит”. Так я и переехал. Ну а раз кабинет в приёмной, то и в должности пришлось повыситься, теперь я заместитель генерального по производству. Вот и вся история.

— Подожди-подожди, так чего ему так твой кабинет глянулся?

— А-а, вот этого у нас до сих пор никто и не понимает, а я никому и не говорю — не поверят, а тебе скажу — обалдеешь, — Пётр Васильевич заговорщицки посмотрел на Илью.

— Да говори уже...

— Тебе скажу, ты поймёшь, ты, говорят, у нас тоже того, — и Пётр Васильевич мотнул головой в сторону и в вверх.

— Чего ещё того? — напрягся Илья.

— Ну, вроде как в религию ударился.

— Удариться можно башкой об косяк, — ответил Илья и возмутился: — Вот народ!

— Да не кипятись ты. — Пётр Васильевич схватил за руку Илью. — Я ж тебя не осуждаю.

— Чего? — ещё больше изумился Илья.

— Даже приветствую. Погоди, а то не скажу.

— Ерунду какую-то несёшь, — Илья всё же поднялся.

— Вот чего ты закипел, а? Тебя что задело? Что я религию помянул? Так тебе ж завидуют все. Сами хотели бы, так ведь это жизнь менять надо. Вот и завидуют тому, кто смог. А ты стыдишься, будто это проказа какая. Это ж здорово, что тебя туда развернуло. Ну? Чего стесняться-то?

Илья, сделав несколько шагов по кабинету, остановился.

— Меня не это задевает, — спокойно ответил он. — Понимаешь, я никто. Даже не так: я — полное дерьмо. А тут все ходят и тыкают: православный, православный... А я... я в общем-то как жил скотиной, так и живу.

— Ну, раз понимаешь, что “как скотина”, уже неплохо. Все ж считают, что они правильно живут. И ты для них правильный был, как все. А тут вдруг объявил, что “как скотина”, тогда получается, что они так же продолжают жить. Но ладно признать. Можно признать и согласиться, что “как скотина”, и продолжать так же жить. А тут вдруг кто-то решил выбраться. Вот это и раздражает.

— Очень бы хотелось, Петя, очень... Но это, знаешь, не вот тебе лбом об пол — и готово, — Илья сделал несколько шагов по кабинету, посмотрел

в окно и присел на подоконник. — Вот такая же ранняя весна была. Или чуть пораньше... Лет десять назад... Мы тогда Гришку Контуженного хоронили. Они и правда контуженный был, его в Афган долбануло, ну и вообще парень безбашенный. Порой переключит, глаза сожмутся, в такие минуты боязно становилось. Не за себя — у него маячок “свой-чужой” чётко работал — за окружающих. А мы друг с другом ладили. Я даже корешком его считался, хотя он постарше был. Поучал. Сядет бывало рядом: “Эх, братан, война — фигня, лишь бы не попали...” — и начнёт какую-нибудь афганскую пургу нести. В общем, допрыгался, грохнули его. И вот хороним. Всё, конечно, по высшему разряду, гроб со всеми удобствами, венков куча, бабы воют, мужики все как один в чёрных костюмах и чёрных очках. И такая тоска... Я ведь и правда к Гришке хорошо относился, но тут, понимаю, что дело не в этом, тут другое... На меня ещё мать его кинулась: я, мол, виноват... Ну да, ну да... Я знал, что он собирался на стрелку, и догадывался — с кем... Я и пытался отговорить. Но уж, если что втемяшилось... Ну я и говорю: твоё дело. Он говорит: ясьень пень, братан... И мне пойти бы тогда хвостом за ним, а я не пошёл... А тут ещё земля на кладбище за ноги цепляется, комями виснет, словно втягивает, как в болото, и бабы эти, где они так по-звериному выть научились? А потом яма, которая как один пустой глаз уставилась на тебя, и понимаешь: следующий будешь ты — и ничего после. Понимаешь, ни-че-го. Только эта пустая грязная яма, даже этого истощенного воя не будет. Дело даже не в том, что мне было жалко оставлять этот мир. Хотя жалко, конечно: я ж тогда года два как на Ксюхе женился, жизнь только новыми красками заблестала — и вдруг ни-че-го. И ещё пронзило, что этот вой и хмурые лица не по Гришке, а потому, что все тоже чувствуют эту бездну и каждый понимает, ну если не сегодня-завтра, пусть несколько лет, пусть даже десяток, а потом — вот она, яма... Тут и не так взвоешь, отсюда до беспамятства пьянки, бегства за границу — только бы подальше от этой чёрной ямы. Но это я после догнал, а тогда накатила жуть. Что-то произошло в моём организме: будто вместо крови по телу потекла эта самая грязь, просочилась как-то через ботинки, пролезла под кожу и теперь наполняет меня чернотой, и каждая моя клеточка вопит: я не хочу туда, не хочу! А тут ещё салют из калашей — ба-бах! Гришку же с воинскими почестями хоронили, он за Афган Красную Звезду имел. Хотя, думаю, дело не в ней, а с военкомом добалакались. И тут наши палить начали. Из всех стволов. Солдатики бедные аж чуть на землю не попадали. Бред какой-то. Эти воют, эти стреляют, те орут, гарь, вонища — и яма посередине. И вот дальше не помню, как получилось, то ли мы уже пошли назад, то ли это меня самого понесло из толпы, но я оказался вне этого кошмара, совсем один. И вдруг слышу: поют. Как я услышал, что поют? Как можно было вообще среди происходящего безумия услышать, что поют? А ещё запах, я уловил необычайно сладостный запах. И я сделал несколько шагов, понимаю, понимаю — несколько, чуть свернул, протиснулся через оградки и оторопел. Даже подумал: праздник какой-то. Батюшка ещё в золотом. Смотрю и не понимаю: какие тихие, мирные лица. Да, скорбные, но это не тот ужас, откуда я только что выпал, а скорее грусть расставания. Так бывает, я помню, уезжал как-то на месяц на Сахалин, так грустно было оставлять Ксюху, но я же точно знал, что вернусь, и вот с той минуты, как сел в машину и поехал в аэропорт, я представлял, как я вернусь и мы обнимем друг друга. Вот это я почувствовал. И тоже ведь чёрная яма, но она уже не казалась страшной и бездонной. Мне вспомнилась Алёнушка из сказки: бежит она с братцем, прячется от гусей-лебедей, увидела яблоньку: спрячь меня, увидела печку: спрячь меня... И здесь тоже: земля не проглатывает, она хоронит, сохраняет, прячет до поры. И, видимо, такая оказалась разница в пережитом за несколько минут, что меня прошибло: я заплакал. Правду говорю: заплакал. Стою, а слёзы сами текут. И так хорошо мне. А отчего хорошо? Ведь человека хоронят, а мне хорошо. И запаха. Я теперь тот запах ладана всегда чувствую. Что в нём такого? Наверное, в ту минуту мною всё остро воспринималось. Во мне словно какая-то защита снялась, я стал открыт и восприимчив. Ужас отступил, и я стал заполняться другим — пением, ладаном, голосом священника, лицами...

Запели вечную память. Я и слов не знал, а тут запел со всеми, будто эти слова где-то во мне существовали изначально, и им только не хватало того, что наполняло меня сейчас. Как мне не хотелось уходить от этих людей! Я пошёл с ними и, наверное, так бы и уехал на их “пазике”, но на выходе меня выловили: где ходишь, мы тебя потеряли, машина твоя стоит, а тебя нет, куда пропал? А я не пропал, я нашёлся. Я уже знал, что есть другая жизнь и кладбище — это всего лишь станция. Вот так теперь и двигаюсь... И знаешь, до сих пор ведь не знаю, кого тогда отпевали, кому я вечную память пел. Да как-то и неважно уже... Узнаю, когда надо будет, — Илья помолчал, потом кивнул в сторону окна: — А я смотрю, старые ворота-то так и не выкидываете?

— Ну да, — быстро отозвался Пётр Васильевич, — они у нас навряд ли монумента.

— Так бы и арматурину ту присовокупил.

— А я искал её. Но не нашёл. Видно, потому, что она у меня должна навсегда в башке остаться. Она никак экспонатом быть не может, она для меня — черта. Я ж ведь чуть не убил тебя тогда.

— Так ведь и я чуть не убил. Развернулся, помню, с полным намерением грохнуть, а ты такой худенький, и в глазах столько страха, что убивать показалось не то чтобы жалко, а несерьёзно, что ли... А ведь признайся: здорово ты тогда труханул?

— Труханул я, как ты говоришь, не от того, что ты меня убивать собрался. Я это потом сообразил, что ты меня убить запросто мог, но я тогда другого испугался. И слово “испугался” здесь весьма отдалённое. Я даже не знаю, какое слово подобрать: ужас, страх — всё не то. Я когда арматуриной замахнулся, меня пронзило: сейчас я убью человека, и дальше всё шло, словно в замедленной съёмке. Вот я замахиваюсь и думаю... Заметь “замахиваюсь и думаю”, то есть представь мгновение замаха, но ты не можешь представить, сколько всего я передумал за этот миг. Сначала башку твою увидел. Я ведь, когда замахиваться начал, ещё башки-то не видел, я просто замахиваться начал, потому что понеслось уже, а у меня арматурина в руках — и ведь сунул же мне её кто-то, и я же её взял. Вы когда на своём броневике ворота снесли и сразу из него посыпались, какая ещё могла быть реакция: мы на вас и кинулись.

— И ведь готовились же.

— А как же! Мы тогда чётко понимали: завод у нас отбирают и отдают какому-то олигарху. А у нас ничего, кроме этого завода, не было. А я ещё тогда шепутной был, верил в светлое будущее. Как раз тогда вот эту технологию, на которой до сих пор завод держится, разрабатывал. Завод был наш. Сейчас это невозможно объяснить, но мы и правда чувствовали, что он наш. И вот теперь его забирает какой-то дядя. И я тебе скажу, это разные чувства: твоё это или дядино. Удивительно: когда оно моё, то я могу и прогулять, потому что это моё, оно и подождать может, мне ж сейчас не горит, а когда ты на кого-то работаешь, тут хошь не хошь, а в восемь будь на месте, тут ведь и уволить могут. А с другой стороны, никто за дядю жопу рвать не будет, как говорится, кончил смену и хрен в стену, а когда своё... Мы тут порой такие подвиги совершали... Честное слово, по три-четыре дня не выходили... Было дело... Вот и бросились своё защищать. А уж если мужик ввязался в драку...

— Да, — подхватил Илья, — это как удар. Ты тренируешь его, чтоб бить по полной, его нельзя нанести вполсилы, это уже будет не удар. И если бьёшь, то бьёшь как учили.

— А если не учили? Если только одна злость? А мы тогда дюже злые были. Денег нет, жрать нечего. А у меня младшей дочери ещё года не исполнилось. Так я по утрам садился на велосипед и в деревню за молоком ездил. У нас полки вообще пустые были. Сейчас вспоминаешь — не верится, как жили? А бухло было. Ты понимаешь: жрать нечего, а бухло всегда можно найти. Я сейчас нисколько не сомневаюсь, что нас специально травили. Представляешь, как подстроили: еды нет, детей кормить нечем, а всякий “рояль” и прочая дрянь — пожалуйста.

— Да я помню, нам сразу сказали, что вы загашенные.

— А как ты хотел... Злые были... А тут вы ещё на своём броневике. Ты не перебивай меня, я ж тебя не перебивал. Вот. На чём я остановился-то?

— На замедленной съёмке.

— Да! Кинулись мы на вас, как в последний бой, чуть не “ура!” орали.

— Так орали же...

— Не перебивай. Значит, понеслись мы на вас с криком “ура!”, и рука, куда ж ей руке деваться, пошла вверх — и тут я твою башку увидел, ну я не знал, конечно, что это именно твоя башка, я увидел мишень, она как-то сама собой навелась, или навёл кто, но ничего уже кроме этой мишени я не видел. Кругом махания, крики, смешение, куча мала, но всё это как бы размыто, а фокусе только твоя башка. Она тоже вертелась, ты тоже отмахивался, но я её не упустил. И вот я замахваюсь, вернее, замахнулся уже, рука в самой высшей точке...

— А ведь я почувствовал, — не утерпел и перебил Илья.

Пётр Васильевич замер, словно уткнулся в стену и остывшим голосом произнёс:

— Я же просил...

Илья словно и не услышал.

— Нет, правильно будет не “почувствовал”, а словно слышалось: опасность сзади-сбоку. И оборачиваться нельзя, и я только успел дёрнуть головой.

Пётр Васильевич достал с большого стола карандаш и стал катать его пальцами.

— Да, но до того, как ты дёрнулся, было ещё несколько мгновений. Даже не мгновений, а чего-то вообще микроскопического. Я занёс руку и чётко видел твою башку и знал, куда буду бить со всей выходящей из меня дури. И вот тут, когда рука была в высшей точке, меня прошиб страх. Не тогда, когда ты развернулся и схватил меня, а гораздо раньше. Ты меня тряс, а меня трясло совсем по другой причине: когда я уже не мог остановить опускающую руку, я вдруг понял, что сейчас убью человека.

— Вот так и проигрываются сражения, — заметил Илья.

Пётр Васильевич не обратил внимания на реплику и продолжал теревить карандаш.

— Но ведь получается, что это звериное, ужасное, о котором я и не подозревал, сидит во мне. С самого рождения сидит. Я жил себе, радовался, влюблялся, творил, совершал поступки, которыми гордился, а это звериное сидело во мне и ждало своего часа. Ужас был от того, что я увидел это в себе.

— Это есть в каждом.

— Тогда это касалось только меня. Мне было уже наплевать на тебя, на свалку вокруг, я только держал в голове: я сейчас убью человека. Подожди, не перебивай. В ту секунду или миг я тоже слышал голос, и он убеждал меня: не распускай нюни, это не человек, это ублюдки, фашисты (да, я точно помню, что он назвал вас фашистами), которые пришли отнять у тебя твоё. И от этого голоса рука крепла, но разум вопил: только бы не убить! Я отчаянно не хотел быть убийцей. Как я счастлив, что им не стал. Как бы я теперь жил? Да и жил ли? Каждый раз, когда вспоминаю, благодарю ты силу, которая отвела руку.

— Да это я дёрнулся.

— И я уже не бил, а просто опускал арматуру, потому что не мог вечно стоять с вытянутой рукой.

— А потом я чуть тебя не убил, — подхватил Илья. — И никаких сомнений у меня не было: урою, думаю, сейчас гада. Но, наверное, я почувствовал твой страх, хотя и понял его по-другому. Я тогда подумал, что не могу бить такое жалкое существо, которое не может сопротивляться. Как я буду бить воздух? И я тебя бросил и кинулся на других, словно получил дополнительную жизнь. А это был переломный момент. Мы начали вас мутузить, и сами потом удивлялись, как быстро и легко всё получилось.

— Действительно, вроде только что мы готовы были всем башки пооткручивать, “ура” орали, а через пять минут превратились в стадо баранов. Как так?

— А согласись: всё к лучшему. Заводик пыхтит. Ты свою линию построил. Сделал бы это при прежней власти? Не факт. А так тебя Валерьяныч пригред, вон ты уже и в начальники вышел.

— Дело не в этом. Я понял, что в общем-то без разницы, какая власть. И заводик этот тоже не имеет значения. А важно только то, что я не убил.

Открылась дверь в кабинет, и в проёме нарисовался Славик.

— О! Вот они где. Я думал, дядя Илья, ты уехал, а вы тут мирно беседуете. Бойцы вспоминают минувшие дни?

— Есть такое, — отозвался Илья.

Пётр Васильевич демонстративно отвернулся. Раздался хруст: карандаш-таки сломался.

— Пётр Василич, пойдёшь с нами производство показывать?

— Что я экскурсовод, что ли? Вон у Серёги язык подвешен, пусть и молотит.

— Как знаешь.

— У вас всё нормально? — зачем-то спросил Илья.

Славик удивлённо и вместе с тем настороженно посмотрел на Илью, затем передёрнул плечами, словно сбрасывая наваждение, и небрежно бросил:

— Нормально. Ярослав Николаевич выехал из банка, — он хотел так же небрежно выйти из кабинета, но не удержался и посмотрел на часы. Илья этот взгляд заметил.

— И давно выехал?

— Зачем тебе? — в голосе Славика послышались раздражённые нотки.

— Просто. Да успокойся ты. Что-то не так?

— Всё по плану, — как можно спокойней ответил Славик и захлопнул дверь.

— Вот ведь придурок, — проговорил после паузы Пётр Васильевич, — весь разговор сломал, — он поднялся и выкинул в корзину обломки карандаша. — Бывает так: хочешь чихнуть, а кто-нибудь встрянет и перебьёт.

— Бывает, — согласился Илья. — Знаешь что, ты пока с новым чихом собирайся, а я кое-что уточню: чего-то Славик нервничает.

— Да ладно, плюнь на них.

— Как думаешь, куда они его поведут?

— Ну, на начало линии, наверное, а потом уже на склад готовой продукции, чего им по цехам мотаться, там шумно и грязно.

— Ладно, я не прощаюсь.

— А сходили бы лучше в столовку, время-то обеденное.

— Увидимся ещё, — Илья кивнул и вышел из кабинета.

Пётр Васильевич присел в большое кресло за рабочим столом и некоторое время пребывал в пограничном состоянии, словно прислушиваясь к окружающему миру и себе. Затем поднялся и подошёл к шкафчику одесную стола, открыл среднюю дверку, достал оттуда бутылку портвейна, стаканчик и, чуть сдвинув бумаги, поставил на край большого стола. Из того же среднего места извлёк складной ножик и легко срезал пластмассовую пробку, налил почти полный стакан и так же легко выпил. Покрутил некоторое время стаканчик, как бы удивляясь, что он уже пуст, и затем убрал в шкафчик. Потом прибрал туда и бутылку, заткнув горлышко пластмассой. Постоял некоторое время и, когда в животе почувствовалось приятное покалывание, словно мурашки побежали, удовлетворённо заключил:

— Вот теперь пора и пообедать, — и вышел из кабинета.

Вернулся Пётр Васильевич минут через сорок и застал в приёмной Илью и Славика. Илья сидел на секретарском месте, держал в руках сотовый и явно ждал звонка. Славик сидел напротив и нервно покачивал ногой и покусывал нижнюю губу.

— Что-то пошатнулось в мире за время моего отсутствия? — спросил Пётр Васильевич.

— Начальник ваш пропал, — не отрываясь от экрана телефона, сообщил Илья.

— Как пропал?

— Да фиг его знает! — Славик вскочил, словно ждал, чтобы появился кто-нибудь не такой спокойный, как Илья. — Нету его! Нету!!! Куда можно деться?! Мы, то есть дядя Илья уже весь путь его вычислил: заехал в офис, взял договора, печать, должен был к нам ехать, а поехал в банк. Ладно, он там недолго был: какую-то премию на завод получал. Сомневаюсь, конечно, что вы её увидите, потому что из банка он поехал в министерство, а вот после — пропал! Куда он мог деться? Куда мог деться этот грёбаный молокосос?!

— Поаккуратнее, — оторвался Илья от телефона и строго посмотрел на Славика.

— А что, не так? Блаженный какой-то. Всё ему по фигу, на всех начхать!

— Хватит истерить, — сказал Илья.

— А вы на сотовый позвоните, — предложил Пётр Васильевич и тут же понял, что сморозил глупость, потому что Славик разразился такими матюками, что Пётр Васильевич только развёл руками: — Я ж не знал, что так далеко зашло.

В это время раздался колокольный звон, Пётр Васильевич невольно вздрогнул, а Славик замер, словно его застучали на месте преступления. Оказалось, это зазвонил телефон Илья.

— Да, — тот поднёс трубку к уху. — Спасибо, — и опустил телефон.

— Ну? — первым не выдержал Славик.

— Никаких серьёзных аварий на интересующем нас направлении сегодня не зафиксировано.

— А в морг звонили? — спросил Пётр Васильевич, который, видимо, после обеда пребывал в благодушном расположении.

В ответ Славик завизжал и выдал очередную непотребную тираду.

— А чего ты орёшь? — удивился Пётр Васильевич. — Хотя бы будем знать, что живой.

— Не факт, — уточнил Илья. — Но больницы я пробил. Не поступал.

В приёмную втиснулся Сергей. Все комки, из которых он был слеплен, казалось, потеряли некий связывающий их центр и готовы были вот-вот распасться.

— Ну как? — шёпотом спросил он. Ему никто не ответил. — Я уже не знаю, как этого китайца развлекать. Петь, может, ты им чего расскажешь?

Пётр Васильевич демонстративно отвернулся и встал у окна.

— Как он у вас без охраны ездит? — спросил Илья. — Да ещё с такими деньгами.

Сергей пожал круглыми плечами.

— Не знаю. Я ему не командир, — и предложил: — Может, Николаю Валерьяновичу позвонить?

— Успеем, — не согласился Илья.

— О! — раздалось от окна. — Сельчане за вашим китайцем приехали. Славик застонал.

— На джипе прикатали, покруче, чем у тебя, Ильях, будет, нехило живут, стало быть, — продолжал комментировать Пётр Васильевич.

— Это, наверное, районная администрация, — сказал Серёга.

— Понятно — власть! Вот и глава выбрался, здоровущий, ему и этого джипа мало, — завершил Пётр Васильевич наблюдения оптимистичным возгласом: — Эх и напоят они этого китайца!

— Не пьёт он, — отмахнулся Сергей. — Мы уж тут чего только не предлагали. Зато минералки полтарашку усосал.

— Напоят, — уверенно произнёс Пётр Васильевич. — Вы только гляньте на эту физию, — он ткнул в окно и с некоторой завистью в голосе произнес: — Они там уже со вчерашнего дня столы, чать, накрыли. А китаец чем не повод? И если он вдруг откажется, то испортит весь праздник. А этого у нас не прощают. Так что попал китаец, это те не Москва, и не наши городские окраины — до села толерантность ещё не доползла.

— А где, кстати, китаец? — спросил Илья.

— В зале совещаний, — ответил Серёга, — мы там накрыли, — и предупредая вопрос, пояснил: — Это в конце этажа.

— Чего они там одни, что ли? — удивился Илья.

— Нет, там Маша с Валеёй развлекают.

Илья не стал уточнять, кто такие Маша и Валя и как они развлекают гостей, поднялся и вышел.

Зал совещаний был устроен на месте нескольких объединённых комнат, которые венчал бывший Петин кабинет. Перед Ильёй открылась милейшая картина: овальный стол с дальнего конца был уставлен яствами, а ближе лежало несколько кирпичей и две девушки самозабвенно что-то щебетали, беря осторожно в руки, словно реликтовые экспонаты, то один, то другой кирпич. Переводчица иногда вставляла в их песню китайские слова, но было ощущение, что никакого отношения к кирпичам эти слова не имели. Китаец, тем не менее, дисциплинированно кивал и улыбался. Ему даже дали потрогать один из экспонатов. Это было похоже на то, как показывают редким гостям семейный альбом в ожидании ужина.

Когда Илья вошёл, переводчица подняла на него глаза и, как показалось, на лице её мелькнуло что-то похожее на радость, ну или облегчение, что затянувшаяся ситуация разрешится. Она даже качнулась в его сторону и сделала невольный шаг. Остальные продолжали заниматься кирпичами.

Илья подошёл к ней и тихо спросил:

— Ну как вы тут?

Получилось очень по-домашнему, словно и правда муж спросил жену: как, мол, тут гости, терпят ещё? Переводчица уловила эту интонацию и смутилась. Вообще-то она хотела возмутиться и потребовать объяснений, но всё же смутилась и кивнула в сторону девушек и китайца:

— Изучают историю завода, — и у неё, хотя она и не хотела этого, получилось ответить тем же домашним тоном, словно она была с ним заодно. Это смутило ещё больше, и она попробовала всё-таки потребовать объяснений: — А что происходит?

Илья улыбнулся.

— Нет, послушайте, — её задела эта слишком тёплая и потому никак неуместная здесь улыбка. — Вы что не понимаете, у нас чёткий график, всё расписано.

Тут на них обратили внимание остальные. А Илья улыбался, будто слушал давнишнюю мелодию, которая ему была дорога и приятна.

Засюсюкал китаец, и переводчица, словно поправив сбившееся платье, приняла официальный вид.

— За нами должны приехать из другой фирмы, нам нужно двигаться...

— Приехали уже, — перебил Илья и отметил, как лицо переводчицы на мгновение снова перестало быть официальным и она ничего не перевала китаицу.

— А как же договор... здесь...

Илья развел руками:

— Сегодня, видимо, не получится. Ярослав Николаевич вынужден задержаться в министерстве, сейчас решается один важный вопрос, и мы даже не можем с ним связаться по телефону, он у него отключён, а сколько ещё будет длиться совещание, мы предположить не можем. Поверьте, мы готовились к встрече и очень ждали, — Илья замаялся, потому что не помнил имени китаица, — вас. Но так получилось. Форс-мажор. К сожалению...

Ему нравилось наблюдать, как меняется лицо переводчицы: она всё время пыталась напустить на себя строгость недовольной помощницы крупного бизнесмена, но сквозь это недовольство пробивалось сожаление. Не о сделке, конечно, и не о поломанном графике, это было сожаление о чём-то глубоком и личном, и потому оно так трогало Илью. Но роль помощницы довела:

— А вы, собственно, кто? — спросила она.

— Меня зовут Илья. А вас?

— Анна. Нет, я не это хотела сказать. Какое отношение вы имеете к сделке?

— Я, скажем так, представитель соучредителя, лицо в общем-то неофициальное, но обладающее информацией.

— Это я заметила.

Китаец настороженно вслушивался, а девушки застыли с кирпичами в руках.

— И что вы предлагаете?

— Ничего. Зачем нарушать вашу программу? Сейчас вы поедете на место будущего хозяйства, как я сказал, за вами уже приехали, и надеюсь, там пройдёт всё более конкретно. Затем... Когда у вас обратный рейс?

— В восемь?

— Но вы же можете его перенести?

— Нет, — потом чуть более задумчиво: — Наверное, нет, — потом словно опомнилась: — У Ван Зена завтра встреча в Москве.

Илья кивнул.

— Вы видели производство. И как я понимаю, это было главной вашей задачей: убедиться, что всё именно так, как вам рассказывали. И если всё устраивает, то подписи можно поставить и в Москве. Тем более что, насколько мне известно, в основных параметрах условия оговорены и договор в принципе подготовлен. Это раз. А во-вторых... день ещё не закончился, кто его знает, до восьми ещё много времени. Знаете, что, — он подошёл к торцу стола, вынул из стаканчика карандаш и листок, достал сотовый, посмотрел и переписал на листок несколько цифр. — Вот вам телефон, на всякий случай. Если вдруг по каким-то причинам вы не сможете улететь, позвоните, и мы решим все вопросы с размещением и завтра можем подписать договор здесь.

Он продолжал смотреть ей в глаза, которые смущались всё больше, и когда она не выдержала и повернулась к вытягивающему шею, словно это был слуховой аппарат, китайцу, добавил:

— Только “про во-вторых” переводить необязательно, зачем напрягать человека раньше времени.

Пока Анна переводила, китаец кивал, а потом вдруг разулыбался и пошёл с раскрытыми объятиями к Илье. Тот удивился, но увернуться никак не мог и сгрёб небольшое, но крепкое тельце, словно накрыл пологом, и краем глаза заметил, как смеются глаза переводчицы. “Чего она ему говорила? Какая-то бабская месть за то, что я диктую условия... Ей тоже хочется показать, что она что-то значит. Так вот всё и решают — переводчики и шофера”.

Илья выпустил китайца и кивнул девушкам:

— Маш-Валь, позовите кто-нибудь Сергея Александровича, он в приёмной должен быть.

Когда появился Серёга, Илья дал команду:

— Провожай. Пусть едут.

Серёга с некоторым недоумением, опасливо, словно на мартовскую капель, посмотрел на него.

— Не переживай, если что, Ярослав Николаевич завтра в Москву слетает и всё подпишет. Мы тут договорились, — и он, улыбнувшись, посмотрел на китайца. Тот без всякого перевода закивал и опять разулыбался.

— Ну и ладно, — выдохнул Сергей с явным облегчением, что решение принято, а он вообще ни в чём не виноват: его дело было поляну накрыть и завод показать. — Пойдёмте, я вас провожу, а то уж они названивают, названивают...

Анна вопросительно посмотрела на Илью.

— Даст Бог, свидимся, — ответил тот.

Она на секунду задумалась, словно решая, чего в этой фразе больше: желания увидеться или уверенности, что никакой встречи не будет, но, видимо, так и не определив, хотела сказать “до свиданья”, но в который раз подчинилась официозу и получилась дипломатический кивок головой, который тоже означал непонятно что: то ли благодарность, то ли равнодушие.

Все, кроме Ильи, вышли, и в коридоре сразу послышался шум, будто появилась родня на второй день свадьбы. Илья же пошёл к двери, которая вела

в бывший Петин кабинет, тронул ручку, она легко поддалась, он открыл дверь и вошёл внутрь. Новый директор всё поменял в кабинете. Теперь стол был развёрнут так, чтобы сидящий за ним видел окно. Показалось, что само окно стало шире. Илья обошёл стол и раздвинул шторы. Комната наполнилась светом, словно не было никакого стекла, никакой перегородки с внешним миром и этот поток свободно тёк и наполнял собой всё доступное пространство. Когда Илья насладился и привык к свету, он понял, почему новый директор отобрал у Пети кабинет. Тот ведь всё равно сидел спиной к свету, для него важно было, чтобы свет падал на бумаги, разложенные на столе. Илья присел на директорское кресло и, глядя в окно, подумал: “Как же хорошо вот так сидеть и просто наслаждаться миром. Нет, не наслаждаться, это неправильное слово, а чувствовать его и ощущать себя частью его. Маленькой песчинкой, ничтожно малой частью, но всё-таки быть в нём... И к чему тогда вся эта возня...” — тут ему показалось, что из зала действительно доносятся шуршание и возня, словно кто-то недовольный ворчливо вылезал из-под одеяла, потом глухо звякнуло, стукнуло и выматерилось.

Илья поднялся и вышел в зал.

— О! — воскликнул Славик, словно искал нечто и вдруг обрёл в самом нечаемом месте.

А Серёга немного смутился.

— Илья Алексеевич, а мы вас потеряли. Мы тут всех проводили да решили: не пропадать же добру. Присоединяйтесь.

— Так он не пьёт! — снова чересчур возбуждённо выкрикнул Славик.

— Зачем же обязательно пить, — ещё больше смутился Серёга, как раз в это время наливавший в бокал коньяк. — Тут вот нарезка есть, бутерброды, пирожки...

— И правда, — согласился Илья. — А с капустой пирожки есть?

Серёга пожал плечами.

— Были где-то с капустой-грибами, эти, кажется, — и он пододвинул Илье тарелку.

Илья надломил пирожок.

— Точно. А то ведь я с утра без перекуса. А чай где?

— А вон там чайник и пакетики.

Илья, жуя пирожок, отправился к чайнику, в это время у него за спиной снова дзинькнуло. Илья вернулся с чаем к тарелке с пирожками, взял ещё один, снова надломил и стал есть.

— Ну как? — спросил Славик, и в елеинном голосе его было столько яду, что даже Серёга отставил бутерброд и опасливо посмотрел на компаньона.

Илья дожевал и, отхлебнув чаю, как можно миролюбивее произнёс:

— Ты не заводись, нам ещё домой ехать.

— Ах, домой! — Славик словно только и ждал хоть каких-нибудь слов от Ильи. — Ну ты, сука, благодетель хренов!

Илья поставил чашку на стол, распрямился и, убрав руки за спину, посмотрел Славика. А тот подпрыгивал в кресле, словно ему пекло там, и захлебывался в собственных воплях:

— Как ловко устроил! Мы к вам в Москву! Всё — Славик по херу! Сами всё обстригаем, а тебе дулю. Козёл грёбаный!

— Чего ты вопишь, словно яйца прищемили. Ты сам меня позвал...

— Ты всё подстроил! — Славик достиг, кажется, апогея, перейдя на срывающийся фальцет. — Ты и сынка этого куда-то зашмудил, поэтому и звонить Валерьянычу не разрешаешь. Это твои штучки!

— Тише, тише, — лепетал Серёга, но голос его был так тих, что, казалось, он говорит самому себе.

— Что “тише”?! — Славик слышал всё. — Ты совсем не въезжаешь?! Думаешь, он такой святой у нас?! Мочил тут всех, а теперь — в святые записался! Хитро устроился! Всех накрутил: и на земле погулял и в раю местечко застолбил. Всех поимел. Сука! А-а, не-ет, не всех. Точно! Жена-то тебя раскусила и кинула. Так тебе и надо, тварь!

Серёга зажмурился от ужаса, который должен был сейчас произойти, а потом бросился к Славику.

— Да успокойся ты, на выпей, что на тебя нашло?

— Что нашло?! А ничего. Правду решил сказать. Что, по морде мне дашь? Ну, дай! Только кулачищами и можешь махать! Вот она твоя сила. Что смотришь, правда-то колет глаза, а?

— Колет, — произнёс Илья и опустил из-за спины руки.

— А-а! — совсем истошно завопил Славик и, словно из него вылетала терзавшая пружина, рухнул на стул.

Серёга тут же подсунул полный бокал, и тот пил из него, захлёбываясь, как воду.

— Ладно, — как-то уж совсем спокойно сказал Илья. — Пойду попрощаюсь с Петей, — и спохватился: — Да, Серёга, я твой телефон Анне дал.

Тот удивлённо посмотрел на Илью и поставил пустой бокал на стол. Славик опрокинул голову набок и, казалось, впал в забытьё.

— Какой Анне?

— Переводчице. Мало ли что, вдруг они и впрямь в районе зависнут, тогда их надо будет спасать и всё здесь устроить. Ну, это так, на всякий случай. Просто помни, что она может позвонить. Понял?

Серёга кивнул. Илья пошёл к двери.

— Вам, если что, сообщить?

— Чего?

— Ну, если они останутся.

— Мне зачем? Сами разбирайтесь, — и вышел, и только когда сделал несколько шагов по коридору, сообразил, к чему Серёга задал последний вопрос.

“Вот ведь... — и покачал головой. — А с другой стороны, что с них взять: как живут, так и о других думают, — и тут же переключился: — Как удержался? До сих пор руки дрожат. Есть сила и посильнее меня. Ведь прибил бы”.

Петю он застал стоящим возле окна.

— Ну как там? — равнодушно спросил Пётр Васильевич.

— Славик с цепи сорвался, — доложил Илья, — решил, что это я сделал расстроил, чтобы самому в долю влезть.

Пётр Васильевич смотрел в окно и словно хотел о чём-то спросить и не решался.

Илья присел.

— Ну? Чего молчишь? А то мне уже ехать пора.

Пётр Васильевич посмотрел на Илью и отвёл взгляд в пол.

— А правда, что от тебя жена ушла?

— Правда.

— Давно?

Илья пожал плечами.

— Больше двух лет. Это давно?

Пётр Васильевич поднял глаза.

— Но ведь этого не может быть. Как?! Я же помню. Прекрасно помню, когда вы только познакомились. Она же с нашего района. Её помню. Я же видел, как вы смотрели друг на друга. Даже завидовал. Нет, не завидовал, у меня всё нормально, но думал: вот есть же что-то выше, чем нормально. И я верил в это. Я не знал, прости...

— Сейчас никто ничего не знает. Это раньше мы жили в большой коммуналке, а теперь у каждого отдельная скорлупа...

— И сын... Вы же так хотели сына. А у вас долго не было детей. Помню, как ты совсем обалдевший появился, кричал: “У меня сын будет”, — тискал всех, пирушку тогда закатил. Сколько? Пять лет назад.

— Восемь... время совсем размазалось, никаких ориентиров...

Оба замолчали, словно в наступившей тишине можно было попытаться ухватить утекающее время, потом Илья медленно заговорил.

— Сколько мы тогда врачей обошли... И вроде всё у нас с Ксюхой нормально было, — Пётр Васильевич заметил, как разгладилось лицо Ильи, ему было приятно находиться там, в воспоминаниях, и ему нравилось произносить: “Ксюха”. — Чуть до колдунов не добрались. Удержало же что-то. Потом поехали на один источник, говорили, что помогает... в деторождении, мол, как в сказке, окунешься три раза — и будет вам счастье. Окунулись, и вроде ничего не произошло... Хотя нет, произошло. Конечно, произошло... Нам там очень понравилось. Там каждый год праздник чудотворной иконы Божьей Матери. Мы дождались и поехали. И это было настоящее чудо. Столько людей. Крестный ход. И ты знаешь, Ксюха ведь вперёд меня прониклась. Это она меня заставила туда поехать. Всё она, Ксюха. А потом она скрывала, что забеременела, ей самой не верилось. Да ещё сын... И не было счастливее меня человека. Всё — жизнь удалась. А теперь, видишь, как оно... Я вообще первое время ходил будто мёртвый... Реально тебе говорю. Так и думал: раз их нет, значит и меня нет. Кто я без них? Ведь мы же все давно одно целое. Я знал, что Ксюха мне ответит. И не потому что это банально и рутинно, а я знал, как ответил бы я, и она отвечала так же. Например, я спрашивал: что у нас сегодня будет на ужин, и Ксюха говорила именно то, о чём я успевал подумать. Это невероятное чувство: вот ты смотришь на неё и видишь себя. Про Ваню вообще не говорю. Тут всё — глаза, ямочки на щеках, улыбка, манеры, слова — всё наше. И вот вдруг этого нет. А ты знаешь, это, кстати, очень полезно побыть мёртвым. Несколько по-другому начинаешь смотреть на происходящее вокруг, словно ты уже не здесь и происходящее тебя не касается. И кажется, я о сих пор не ожил. Существоваю. И всё никак не могу понять: зачем?

— Значит, зачем-то ты ещё тут нужен.

— Вот и я думаю: зачем? Знаешь, как хочется узнать Его волю. Вот сказал бы Он: делай это, а потом будет то, а после этого вот это. А нет, молчит: догадайся, мол, сама. Или я не слышу. Раньше, говорят, люди могли чувствовать. А сейчас мечешься промеж кучи вариантов: что делать? за что хвататься? Всё враскоряку. Говорят, исполняй заповеди... Это понятно. Умом-то всё понятно. А как без Него-то? Страшно порой жить, — и уточнил: — Когда Его не чувствуешь. Это одиночество самое страшное.

— Ты и с сыном не видишься?

— Так она за границу умотала. Чего бабам надо? Не понимаю. Мне порой кажется, что это не она. Что это всё испытание для меня. И так тоже страшно думать. Потому что, если из-за меня они должны переживать такое, я же знаю, что они, пусть каждый по-своему, но переживают, они же часть меня, они не могут не переживать, когда у меня тут такие страсти — и всё это из-за меня, то... то я не знаю... Тут я упираюсь в предел веры. Как сын — вообще не могу представить. И боюсь. Он ведь у нас совсем воцерковлённый был. Конечно, как он родился, Ксюха постоянно в церкви, каждое воскресенье — к причастию. Три года ему было, приходим как-то после вечерней, а он взял — ключи у меня на шнурке были, я их отстегнул и на диван бросил — так он взял эту связку за шнурок, ходит по квартире и машет. Мы сначала не сообразили, а потом вдруг дошло: он же кадит! Как дьякон в храме! А ещё: как он расстроился, когда батюшка в храме отказался помазать его на соборовании. Ему пять лет должно было исполниться. Мы на соборование пошли и Ваню с собой взяли, куда его девать-то? А батюшка говорит: нельзя ему собороваться. Посадили на лавку, дали какую-то книжку, а он сидит такой потерянный и плачет, тихонько так, беззвучно... Я тогда батюшку схватил, говорю: ну вы хоть мажьте его, раз молитвы читать нельзя, жалко, что ли... Ну и он понял, что слишком строгача включил, подошёл и помазал, а Ваня всю службу потом рядом стоял. Я ему: посиди немного, пока батюшка других мажет, а он — нет... И такой радостный... Как он там? Не представляю. И не верю, что те слёзы в углу храма могут забыться. Ну, может, умом могли и забыться, но сердце должно помнить. И Ване-то сейчас в тысячу раз тяжелее, чем мне, Ксюхе... За него больше

всего и молюсь. И порой думаю: если это способ научить меня молиться, то это очень жестокий способ...

— Так ты один, что ли, живёшь?

— Конечно. Я их жду.

— Понятно, — вздохнул Пётр Васильевич. — У каждого своё. И вроде бы хорошо всё вокруг, устаканилось, а вот что-то сосёт. А что? Я вот не сделал того, чего, казалось бы, мог. И уже не сделаю.

— Почему? Тебе сколько, чуть за полтинник? Я слышал, ты опять чего-то придумал.

— Дело не в этом... Нет той энергии, той безоглядности, которая была в молодости. Все великие открытия и главные книги создаются в молодости, пока человек не привязался к миру, пока материальное ещё не приземляет полёт духа, а потом живёшь только тем, что успел не профукать в молодые годы. Ничего принципиально нового я не создам, просто совершенствую ту линию, которую придумал двадцать пять лет назад. Добавки новые... Вот да, сейчас пытаемся внедрить один интересный формовочный агрегат, да и то идею я у японцев подсмотрел, правда, они это в сталелитейном деле применяют, а оно нам и для кирпичей пойдёт. Но пока рано говорить, пробуем. Но и это лишь совершенствование. Главной моей линии. И, получается, единственной. И ты, знаешь, я уже даже не хочу ничего изобретать нового. Я нормально устроился. Делаю то, что знаю... Стараюсь это сохранить. А молодые... Для того, чтобы придумать что-то новое, нужно научиться отрицать старое. Именно научиться. Потому что старое нельзя просто отбрасывать, как ненужный хлам, его нужно знать, понимать, полюбить в конце концов, и, если ты чувствуешь, что тебе этого мало, шагай дальше. А сейчас... Нельзя отрицать то, чего не знаешь. Это не отрицание, а невежество.

— Двадцать лет назад и про нас говорили, что мы ничего не понимаем и знать не хотим.

— Я не об этом. Жаль того огня... — и вдруг Пётр Васильевич всплеснул руками: — Мама дорогая! Ярослав Николаевич приехал! Надо же! Ты глянь-ка! А чего он из машины достает? Там у него никак пушка какая-то. Или автомат. Ты глянь, Ильяха, это по твоей части, глянь.

Илья поднялся и тоже посмотрел в окно.

— Чего за пушку он приволок, а? Вон уже и помощники бегут.

— Это не пушка, — ответил Илья. — Я сейчас.

Пётр Васильевич хотел что-то сказать, но Илья уже выскочил из кабинета. Через минуту Пётр Васильевич увидел, как Илья поздоровался с директором и они несколько минут разговаривали. Сначала смеялись, словно подстроили над всеми шутку, и теперь радовались, как у них здорово получилось, потом Илья заговорил без улыбки, Ярослав Николаевич поморщился, словно ему напомнили, что каждый год надо ходить к стоматологу, потом махнул рукой, мол, знаю я, помню, успеется, и снова улыбнулся. Улыбка у него получилась чистой и невинной, как у проснувшегося ребёнка. Они пожали друг другу руки. Илья помог переложить в машине длинный свёрток, и они пошли к зданию заводоуправления. Через пару минут Илья открыл дверь. Вид у него был весёлый, словно только что услышал хороший анекдот.

— Ну что там?

Илья сел и, еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, посмотрел на Петра Васильевича?

— Ну хватит ржать, что там?

Илья всё-таки не удержался и рассмеялся так задорно, что и Пётр Васильевич улыбнулся.

— Ну, говори уже!

Илья постарался сделать официальное лицо и произнёс, стараясь соблюдать серьёзность:

— Льжи.

— Что?!

— Льжи. Он, видишь ли, когда утром вышел из дома и увидел снег, по-

думал: а не прихватить ли с собой лыжи? Его, видишь ли, очаровал утренний снег. И действительно, по дороге на завод, он заехал на лыжную базу и несколько раз съехал с горки. А внизу, где он оставил машину, как тебе известно, сотовый не берёт. В общем, директор ваш счастлив и всё у него хорошо.

— Охренеть... — произнёс Пётр Васильевич. Причём в этом “охренеть” непонятно, чего было больше: восхищения, возмущения, зависти, негодования или признания полного непонимания окружающей действительности. В общем, слово подобралось удачно.

— Я сам в шоке, — поддержал Илья. — И ты знаешь, глядя на его счастливую физиономию, я ему даже немножко завидую. Взял и заехал на базу. А начать, что тут люди ждут, что у других проблемы, захотелось покаяться по последнему снежку — и пожалуйста! Это ж кайф! И ни малейшего смущения, что здесь переживали, психовали, искали, я тут на уши знакомых поднимал, чуть не в розыск его объявили... Так бы и съездил по этой довольной роже. Не понимаю!

— Вот и я говорю: они другие.

— Ладно, пора домой ехать, а то у меня голова начинает пухнуть от впечатлений. Давно, видать, в люди не выбирался.

— Ты Славика не забудь.

— Блин, Славик ещё этот. Он что-то вконец оборзел, такую пургу сейчас несёт, еле сдержался, чтоб в табло не съездить.

— Да! Я ж тебе так и недорассказал, что у меня в кабинете Ярослав Николаевич увидел. Что ты улыбаешься? Никогда не догадаешься. Я сам только понял, когда он стол к окну развернул. А он там увидел крест! Да-да! Тот, что на горе три года назад поставили. У нас целая катавасия с установкой была. Представляешь, вертолёт прилетал — такую махину поднимать. А я как-то и внимания не обращал: ну стоит и стоит. А этот, видишь, сразу уцепился. Так что я тебе говорю: в них что-то есть. Они ещё свой мир построят. И так хочется посмотреть, какой он у них получится? Чем они лучше нас?

— Так поживём ещё.

— Не знаю, не знаю...

Пётр Васильевич поскуцнел и пошёл к шкапчику, достал остатки портвейна, налил стакан и выпил.

— Смотрю: всё режимишь?

— Ну да, в обед стаканчик, потом, как по заводу пройду, и перед тем, как уходить. Стабильность — это то, о чём я мечтал в молодости. Но я мечтал о другой стабильности: я мечтал о стране, о народе — прости за пафос. А получилось, вон оно как: бутылка портвейна в день.

— Тем не менее, мечты сбываются. Мы вон тоже о свободе мечтали. А получается, что каждый мечтал о свободе для себя — вот и получили бардак. А ты бутылку портвейна...

— Я ведь все выходные дома извожусь, не знаю, чем заняться.

— Книжки читай.

— Ты ещё скажи: в театр ходи...

— А правда, Петь, что ты делаешь в воскресенье?

Пётр Васильевич посмотрел на Илью долго и грустно.

— Сплю.

— Весь день, что ли?

— И ем.

— Нда, перспектива... Ладно, пойду Славика забирать, поди уж нажался и всех жизни учит, — Илья поднялся. — Давай, Петь, бывай. И это... про воскресенье-то... смотри не проспи.

— Ладно, постараюсь.

И они обнялись так же крепко, как при встрече.

Когда Илья вошёл в зал, Серёга бросился к нему, как Робинзон к проплывающему кораблю.

— Илья Алексеевич! Как хорошо, что вы не уехали! Я не знаю, что делать! Я не могу, я не умею с ним справиться. Тут и Ярослав Николаевич приехал. Вы видели?

— Я говорил с ним.

— Вы... вы знаете... почему он задержался?

Илья кивнул.

— Так всё неудобно. Вячеслав Григорьевич и ему нагрубил. Не день, а ужас какой-то! Вот, полюбуйтесь!

Славик сидел, развалился в кресле, и больше походил не на ужас, а на грязную лужу, если бы её можно было посадить в кресло.

— Припёрся, — прочавкал Славик.

— Поехали, — сказал Илья.

— Никуда я с тобой не поеду, — взбунтовалась лужа. — Мне тут дела решать надо. Скажи, Серёга. Скажи ему.

— Поехали, — повторил Илья, подошёл и приподнял Славика за шиворот пиджака. Тот, несмотря на внешнюю текучесть, оказался цепок и ухватился за ручки кресла. Тогда Илья тряхнул Славика, словно запльившую вещь, и кресло, подпрыгнув, опустилось на место пустым.

— Где его пальто? — и Серёга, словно вышколенный швейцар, вложил пальто в свободную руку Ильи. — Да, ещё, — Серёга послушливо уставился на Илью, а в глазах читалось: “Скорее бы уж...” — там у вас коньяк недопитый, сунь его в пакет и яблоко какое-нибудь положи, — и он потянул Славика к выходу, тот пытался цепляться за всё попадавшееся на пути: край стола, стулья, дверную ручку, но движение было неумолимо.

Серёга как раз поспел, когда Илья пристёгивал безвольно бормочущего ругательства Славика к сиденью.

— Кинь назад. Так, теперь бывайте.

Илья подал Серёге руку, которая радостно трепетала, и сел за руль.

— Только не гони, — пробурчало справа.

— Как получится, — ответил Илья и выехал со стоянки.

Когда уже достаточно далеко отъехали от поста ГИБДД, Славик вдруг открыл глаза, поправил давившую лямку ремня и как ни в чём ни бывало, совершенно трезвым голосом произнёс:

— Дядь Илья, всё забываю спросить: он же ведь не из чистого золота?

Илья на секунду задумался, но будто бы вопрос не удивил его.

— Нет, конечно. Специальное покрытие, нитрид титана. Мы... — и осёкся, как будто сказал лишнее.

Славик что-то промычал многозначительное и так же неожиданно задал новый вопрос:

— Как мы живём?

Илья на этот раз не отозвался, и Славика пришлось разбираться с вопросом самому.

— Вот ведь поубивать друг друга готовы, а живём. Вы ж тогда с Петей чуть не убили друг друга, а теперь посмотришь: чуть ли не лучшие друзья. Я вот на тебя наорал, а ты не бросил, обратно везёшь, как будто так и надо. И всё это русский народ. Во всех своих единствах и противоположностях. Сынок валерьяновский этот... Он что, правда на лыжах катался?

Илья кивнул.

— Полный абзац. А я до сих пор считаю, что он специально тянул время, только никак не пойму зачем? Меня скинуть? Это можно было проще сделать. Вообще сделку сорвать? Так можно было изначально не договариваться. Не понимаю.

— Если бы всё понимали и могли разложить свои действия по полочкам, то это уже и не человек был, а машина какая-то... А так... пока можем совершать что-то не укладывающееся в расчёты, мы остаёмся людьми...

— Останови, — сказал Славик.

— В честь чего?

— Неразумное давит. То, что не просчитывается.

Илья съехал с трассы, и Славик отправился в ближайшую лесопосадку. Вернувшись, сел и буднично произнёс:

— Ну вот, живёт во мне, стало быть, человек. Дай, дядь Илья, выпить, я знаю, есть — Серёга собирал.

— Это уже просчитывалось. До дома доедем — отдам.

Вернувшись в квартиру, Илья разогрел и с удовольствием похлебал щи. Потом надел свитер и вышел на балкон, там сел в кресло и стал смотреть, как солнце медленно скатывается к горизонту и синева наползает на город. Наконец солнце скрылось. Сразу стало холодно. “До завтра”, — попрощался с солнышком Илья и вернулся в комнату.

Включил торшер и уже взял было книгу, как зазвонил телефон. Илья схватил трубку и некоторое время смотрел на экран, словно размышляя, отвечать или нет на незнакомый номер. Звонок оборвался. Илья положил телефон на место, отключить он никак его не мог, потому что каждую минуту ждал звонка, только номер будет знакомый, как... как солнышко, которое обязательно появится завтра.

*Поздравляем нашего давнего друга и автора,
секретаря Самарского отделения Союза писателей России
Александра Громова с 50-летием!
Здоровья, творчества, удачи!*

Редакция